

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

ЧЕРЕЗ ОГНЕННЫЙ ПОЯС

19. Итак, мы в Перу! Поездка к морским львам

Первый день посвятили знакомству с Лимой. Конквистадоры основали этот город в 1535 году, как опорный пункт для колонизации империи инков (инки – выходцы из индейского племени кечуа, ставшие в XV веке высшей, наследственной кастой – правящим классом. Они считали, что ведут свою родословную от Инти – сына Солнца).

Город быстро превратился в столицу всех испанских владений в Америке. Старых, с многовековой историей построек здесь сохранилось мало: большая часть разрушена мощными землетрясениями 1687 и 1746 годов.

Если честно, город не впечатлил. Единым архитектурным комплексом смотрится лишь центральная часть с Пласа-де-Армас – Площадью Оружия. Что любопытно, площади с таким названием имеются чуть ли не в каждом городе Латинской Америки. Её всегда обрамляют самые красивые здания. В Лиме это внушительных размеров президентский дворец, построенный в готическом стиле. Напротив – старейший кафедральный собор Санто-Доминго (построен в 1564 году). Именно здесь, в небольшой часовне, захоронены останки завоевателя империи инков – Франциско Писарро.

Справа, через дорогу от дворца президента, внушительное трёхэтажное здание... Союза писателей Перу. Каково! Похоже, руководители государства понимают, что без нравственной основы немислимо само существование государства и народа. Позже, гуляя по городу, мы убедились, что книжных магазинов в Лиме не меньше, чем у нас аптек.

Чуть дальше, через дорогу, – бело-жёлтый монастырь Сан-Франциско, построенный в мавританском стиле. Здесь служат Богу и молятся о спасении душ грешников тридцать пять монахов. Главная достопримечательность монастыря – катакомбы. До открытия в городе кладбища в них успели похоронить 75 тысяч умерших от эпидемий. Их костями заполнены глубокие, выложенные кирпичом цилиндрические колодцы-могильники.

В современной части города самое высокое сооружение – министерство юстиции (помпезная громадина с массивными мраморными колоннами). Большинство же строений из соображений сейсмоустойчивости невысокие, малоэтажные.

Знакомясь с историческим центром города, мы с моим давним другом Эмилом дошли до площади Плаза-де-Сан-Мартин с великолепной конной статуей в центре. Место оказалось до того уютным и приятным, что мы позволи-

* Окончание. Начало в №7 за 2014 год.

ли себе посидеть с полчасика в тени ветвистых деревьев, лакомясь заодно фруктовым мороженым.

Застроенная виллами береговая линия обрывается в Тихий океан неприступной скалистой стеной высотой не менее пятидесяти метров. Попастись на узкие галечные пляжи можно только по двум оборудованным лестницами спускам, стоящим друг от друга на расстоянии не менее двух километров.

Ужинали в кафе под открытым небом. Поразило то, как много едят перуанцы. Недаром они вместо “приятного аппетита” (он их, похоже, никогда не покидает) желают друг другу “приятного приёма пищи”. Ещё больше поразило то, что за многими столиками велись шахматные баталии! Присмотрелись – уровень игры вполне приличный. Вот это да! Горожане за ужином играют в шахматы, а писатели проводят творческие встречи в старинном особняке рядом с президентским дворцом!

На следующий день, лишь только солнечный луч поцеловал кресты на храмах, и те в ответ благодарно засияли, мы выехали в Паракас – крохотный городок на полуострове, глубоко вонзившем в Тихий океан свой острый коготок. Из него мы отправимся к заповедным островам Балестас.

Дорога пролегла вдоль побережья Тихого океана по бесплодной, безводной холмистой пустыне, покрытой песком и щербом – сходство с Синайским полуостровом было полное. Сложно представить себе, что крупнейший в мире океан и столь засушливое место могут сосуществовать бок о бок, но это так.

К островам Балестас, где находятся лежбища морских львов, нас доставил быстроходный катер. При выходе из залива “проскакали” по гребням метровых волн мимо крупной военно-морской базы. Примыкавшая к ней овальная бухта забита эсминцами, грозно ощерившимися стволами пушек и кассетами торпед. Посреди узкой горловины торчала рубка подводной лодки.

Выйдя в открытый океан, увидели на высоком покато́м каменистом берегу борозды. Когда отплыли подальше, стало понятно, что это стилизованное изображение кактуса, занимающее площадь не менее двух гектаров. Моторист утверждает, что оно красуется здесь ещё с доинкских времён, и в старину служило для мореплавателей своего рода маяком.

Острова – покаты́е, буро-коричневые горбы, внутренности которых изъедены гротами и нишами, встретили нас невообразимым рёвом, издаваемым развалившимися на камнях сотенными стадами морских львов и львиц. Между их коричневых лоснящихся туш ползали чёрными головастиками недавно народившиеся малыши. Когда подплыли совсем близко, с высоко нависавшего карниза скатилось несколько увесистых камней, не причинивших, к счастью, детёнышам (а мамашам и папашам тем более) вреда. Один из валунов упал в воду, обдав нас зернистыми брызгами.

Пологие берега островов оккупированы обширными полями птичьих колоний. ПERNАТЫХ на них такое множество, что, когда они вдруг поднимаются в воздух, небо чернеет. Ветер доносит не только неумолчный гвалт от надсадных криков, но и нестерпимую вонь. На уступах скалистого мыса замечаем несколько пингвинов. Общипанные, измятые – похоже, не климатит им на экваторе!

На обратном пути завернули в живописную бухточку, защищённую от прибоя цепью скал. Здесь, в уютном кафе, полакомились севиче – национальным блюдом из сырой рыбы и морепродуктов, выдержанных минут десять в соке лайма. По вкусу оно напоминает дальневосточную талу, но поострее. Перекусив, поныряли, поплавали. Это вызвало изумлённые возгласы: из-за холодного перуанского течения местные здесь не купаются.

20. Загадочное плато Наска

Плато Пампа-де-Наска и город Наска отгорожены от мира высокими горными цепями. Дорога через них – это головокружительный серпантин, уставленный, подобно пасти хищного зверя, остроконечными зубьями скал. Сначала она долго взбирается на водораздельный гребень, а потом ещё дольше спускается по склонам глубоких ущелий.

Здесь часты камнепады, и рабочие вынуждены постоянно курсировать по автотрассе, освобождая проезд от упавших глыб. Восхитил образцово-опрятный вид дорожных рабочих: все в новеньких касках, на ярко-оранжевых комбинезонах ни единого пятнышка, на лицах белоснежные маски. Техника безопасности и культура производства на высочайшем уровне!

С водораздела открылось абсолютно ровное, как будто по нему прошёл-ся гигантский коток, плато Пампа-де-Наска. Его длина семьдесят, ширина — три километра. Лётчики лишь только в 30-х годах XX века разглядели на красноватой почве, словно вычерченные гигантской рукой, желтовато-белые треугольники, трапеции, спирали; длинные прямые борозды, сходящиеся и вновь расходящиеся в определённых точках. От некоторых борозд отходят лучи покороче, что делает их похожими на оперение стрелы. Посреди этого невообразимого хаоса выделяются чёткие рисунки гигантских птиц вперемежку с диковинными животными.

Но всю эту исполинскую картинную галерею можно лицезреть только с высоты птичьего полёта. Возникает вопрос: для чего это делали люди, не имеющие летательных аппаратов и даже не знавшие колеса? Почему ставка делалась на “небесных зрителей”?.. Как тут не вспомнить древнее предание индейцев, в котором говорится о существе, прибывшем с далёких звезд: “... И прилетела женщина по имени Орьяна. Ей суждено было стать праматерью земной расы. Она родила семьдесят земных детей, а затем вернулась к звездам”. Добавьте к этому заключение английского антропологического журнала “Мэн”, в котором говорится: “Анализ мышечных тканей сохранившихся мумий инков показал, что по составу крови предстатели верховной касты — инки — резко отличались от индейцев”. Может, не случайно инки считали себя детьми Солнца?

Не так давно, в 1986 году перуанский лётчик Эдуардо Гомес обнаружил в малоисследованной зоне Пампа Сан-Хосе ещё одно место с изображениями зверей, птиц и непонятных символов, аналогичным наскинским.

Немецкий математик, профессор, выдающаяся подвижница Мария Райхе в результате сорокалетних исследований составила полное описание рисунков плато Наска. Для этого она пешком прошла по всем бороздам и нанесла их на карту. Ею было доказано, что они относятся к V–VI векам нашей эры. То есть фигуры существовали задолго до образования империи инков. Споры об их назначении не утихают до сих пор. Кто и зачем отважился на этот титанический труд, украсив многокилометровый каменный холст десятками фигур и линий, многие из которых трудно охватить взглядом даже с высоты птичьего полёта? Как им удалось не нарушить пропорций? Вопросов много, но точного ответа нет.

Водой город Наска обеспечивают родники, бьющие высоко в горах. По рукотворным подземным каналам — акведукам диаметром около одного метра — вода стекает в городские накопительные резервуары, из которых уже поступает в водопроводную сеть. Раз в год в октябре, в самое засушливое время, эти каналы очищают профессиональные чистильщики. В них они проникают через воронки глубиной в четыре-пять метров по спиральным спускам, плотно облицованным валунами. Вся эта система водоснабжения бесперебойно работает уже 2000 лет! Что тут скажешь? Фантастика! Можно только восхищаться грамотным инженерным решением и мастерством древних строителей!

Сегодня в городе прохладно — всего лишь... плюс 33 градуса (в январе — феврале постоянно за 40). На аэродроме мы купили билет на пятиместный самолёт “Сессна” — с него будем разглядывать и фотографировать линии Наска.

Точно в назначенное время беленький одномоторный самолёт понёс нас в голубую высь. В течение получаса мы азартно фотографировали распростёртые на плато стрелы-указатели, циклопические фигуры кондора, длинноносой колибри, зловещего тарантула, обезьяны со скрюченными пальцами и свёрнутым спиралью хвостом, а на склоне холма — силуэт то ли астронавта, то ли водолаза в скафандре.

Пилот заходил на каждую фигуру по два раза — чтобы видно было сидящим как справа, так и слева. Пролетая над очередным творением древних, он восторженно кричал:

— Смотрите, смотрите! лягушка! А это обезьяна!

При этом самолёт так стремительно нёсся к земле, что мы с трудом сдерживали подступавшее к горлу содержимое желудков. Казалось — столкновения не избежать, но в последний миг жизнерадостный летун тянул штурвал на себя, и мы взмывали вверх, чтобы через несколько секунд под новые эмоциональные выкрики пикировать к следующему “творению”. Они мелькали с такой калейдоскопической быстротой, что не было никакой возможности прочувствовать, осмыслить увиденное — едва успевали щёлкать затворами фотоаппаратов.

Из самолёта вышли, шатаясь, словно пьяные. Расставаясь, долго трясли руку воздушного инквизитора — выражали переполнявшую нас благодарность за то, что оставил в живых.

21. Куско – столица империи инков

Куско – это древняя столица огромной империи инков, которая именовалась на языке индейцев племени кечуа – Тауантинсуйу (Земля четырёх сторон мира). В неё входили земли современного Перу, Боливии, Эквадора, частично Чили, Аргентины и Колумбии.

Ехали всю ночь. Судя по карте, дорога петляла по весьма живописным местам, включающим перевал Ла-Рая на высоте 4267 метров, но воочию убедиться в этом из-за темноты мы не могли.

К городу подъехали с первыми лучами солнца, осветившими множество ярко-оранжевых квадратиков, густо покрывавших овальную впадину и отчасти склоны гор. Если до этого в Перу мы повсеместно видели крыши из оцинкованного железа и профнастила, а то и просто плоские бетонные площадки с нацеленной в небо арматурой, то здесь они двускатные и абсолютно все покрыты черепицей. Явный признак обилия в этих местах дождей.

Аэропорт в Куско, как и в Лиме, почему-то посреди города, да и железная дорога петляла между автомашин буквально в нескольких метрах от зданий. Несмотря на ранний час, тротуары заполнены бегущими трусцой мужчинами и женщинами самых разных возрастов. Я и не предполагал, что индейцы такие яркие приверженцы здорового образа жизни. Ещё одно наблюдение: мы до сих пор не видели в Перу ни одного курящего. В это трудно поверить, но это так.

Впадина, в которой раскинулся Куско, примыкает к Священной Долине реки Урубамба, являющейся главной осью всей инкской цивилизации. Инки были уверены, что Млечный путь на небе всего лишь отражение этой реки. До колонизации испанцами в столице империи инков жили только представители верховной знати, жрецы и их слуги.

Защищали город отряды воинов, несущих службу в хорошо укрепленных крепостях-городищах, разбросанных по всей долине и на подступах к столице. К каждой крепости вели узкие тропы, часть из которых представляла собой тесные тоннели, пробитые в горных массивах. Под мощными крепостными стенами имелись ступенчатые террасы, на которых выращивали маис, картофель, бобы. Орошали их водой, стекавшей с гор.

Центральная часть Куско расположена на высоте 3 400 метров (окраины взбираются ещё выше). Именно здесь зародилась цивилизация инков – потомков священного Солнца. Как гласят местные предания, давным-давно первый Инка, основатель империи Тауантинсуйу – Манко Капак (сын бога Солнца-Инти), и его жена Мама Окльо (дочь богини Луны – Мама Килья), выйдя из вод озера Титикака, пошли искать место для поселения. Придя в эту котловину, Манко Капак воткнул в землю свой золотой посох, а тот провалился сквозь землю. Они назвали это место Куско – “пуп Земли”. Оно и стало столицей могущественной империи инков.

Современных зданий в городе нет. Большинство построек XVII–XVIII веков. Выполнены они в колониальном стиле. Как ни старались завоеватели придать Куско типично европейский вид, стерев с лица земли следы “языческой” культуры, им это оказалось не под силу – настолько основательны и прочны были сооружения инков. Потомки конкистадоров вынуждены были надстраивать свои храмы и здания прямо на не поддававшихся разрушению древних стенах и фундаментах. При землетрясениях их новоделы рушились, а инкские постройки даже трещин не давали! Стены, сложенные из точно подогнанных друг к другу блоков из природного камня, благодаря системе пазов и многоугольных выступов, были столь прочны, что дома сохраняли целостность даже при самых мощных толчках. И неудивительно: в постройках тех времён нередко использовались блоки, имеющие один либо два трапециевидных выступа. Такой технологический приём встречается, кроме Перу, ещё лишь в одном месте планеты. А именно – в облицовке египетских пирамид на плато Гизы. Как объяснить наличие такого специфического строительного элемента в двух столь удалённых во времени и пространстве цивилизациях?!

Поселились мы в небольшом отельчике в узеньком проулке (настолько узком, что и маленькому грузовику не проехать), мощённом, как и все улицы в старой части Куско, твёрдым вулканическим камнем, прямо у стен громадного монастыря Санта-Доминго. Прежде на его месте красовался храм Кориكانчу, воздвигнутый специально для главного божества инков – Инти (бога Солнца, дарителя жизни). Стены храма (их называли Золотыми стенами) в те времена были облицованы семьюстами пластинами золота, каждая весом два ки-

лограмма. А крыша покрыта позолоченными листами. Благодаря этому храм был виден отовсюду, так как нестерпимо сверкал в лучах солнца.

В главном зале Кориқанчу находился огромный диск из чистого золота – символ Солнца, укрепленный на алтарной стене таким образом, что при восходе диск разгорался ярким огнём. А на противоположной стене висел диск, отражающий лучи заходящего светила. Видя утром и вечером ослепительный свет, трудно было усомниться в могуществе богов.

По свидетельству конкистадоров, на внутренней площади храма – Солнечной поляне – стояли золотые статуи пум, ягуаров, лам, змей в натуральную величину. Тут же “росло поле” золотого маиса. На каждый початок приходилось не менее 300 граммов золота. На ветвях деревьев сидели золотые птицы, на цветах – бабочки. Их крылья, благодаря пластичности сусального золота, были такими тонкими, что просвечивали, и солнечный луч, проходя сквозь такой лист, приобретал зелёный цвет.

Всё это говорит о том, что для инков золото было, прежде всего, священным металлом, олицетворяющим своим тёплым светом лучи Солнца, дающие жизнь всему на Земле. В остальных храмах на самом почётном месте обычно располагался золотой диск с глазами-самоцветами. К сожалению, вся эта рукотворная красота была переплавлена “культурными” испанцами в звонкую монету и слитки.

Большая часть стен Кориқанчу устояла перед вандализмом испанских строителей, и мы имели возможность увидеть, с какой точностью подогнаны друг к другу многотонные каменные блоки. В особо ответственных местах камни скреплялись Т-образными пазами, в которые заливали расплавленное серебро. Застывший профиль, похожий на рельс в разрезе, соединял блоки намертво.

Сейчас по стенам, видевшим множество пышных церемоний в честь верховного Инка, лупят потёртым футбольным мячом черноголовые пацаны. Таковы парадоксы времени!

После обеда поднялись на столообразную, господствующую над окрестностями вершину, на которой сохранились руины крепости Саксайуаман (в переводе с кечуа – Хищная птица серокаменного цвета). Эта цитадель с тремя вместительными башнями, десятками бастионов и мощными, зигзагообразными стенами в три ряда, сложенными из тщательно обработанных блоков циклопического размера, являлась центром хорошо продуманной оборонительной системы столицы империи. Правда, в последние годы учёные склоняются к версии, что это была не только крепость, но и важный религиозный центр.

Во внутренних помещениях Саксайуамана имелись вместительные хранилища для зерна, ёмкости для сбора воды, лестницы для подъёма на дозорные площадки. От главных башен в город вели подземные ходы. Крепостные стены сложены из громадных глыб, весом до 350 тонн (!) при высоте 8,5 метра! (Для сравнения – вес самого тяжёлого блока в египетской пирамиде фараона Хеопса “всего” 15 тонн). При этом камни разной формы так плотно подогнаны друг к другу, что в стыки между ними не просунуть даже лезвие бритвы. Такая плотная притирка избавляла древних строителей от необходимости использовать скрепляющий раствор.

Когда видишь такие циклопические, точно подогнанные сооружения, кроме восхищения испытываешь ещё и неловкость оттого, что мы, имея самую мощную технику, зачастую не в состоянии повторить достижения древних мастеров.

В хрониках сохранились свидетельства, как инки рассказывали первым европейцам, что “большие дома” построили не они, а высокие, светлые и бородастые строители, такие же, как бог Виракоча (Творец Мира). Недаром испанские конкистадоры удивлялись тому факту, что некоторые представители индейской знати имели европейскую внешность. Может, это были потомки древних переселенцев из Европы?

Как бы там ни было, ясно одно: древние американские цивилизации уникальны и самобытны. Они до сих пор таят много тайн и сюрпризов. И в настоящее время на поляне перед крепостью Саксайуамана ежегодно празднуется Инти Райми (праздник Солнца), отмечаемый в день летнего солнцестояния. На него съезжаются сотни тысяч людей со всей Южной Америки. Праздник начинается с призыва Сапа Инка на площадь Кориқанча. Он выходит на неё в красочном костюме, весь увешанный золотыми, серебряными пластинами и драгоценными камнями. Инка спрашивает у Солнца благословение народам,

после чего его несут на золотом троне по украшенным цветами улицам в сопровождении жрецов и сановников, одетых в парадные одежды, к крепости Саксайуаман. Там происходит ритуальное жертвоприношение белой ламы, и жрецы по пятнам крови читают будущее мира. После захода солнца поджигаются снопы соломы и начинаются ритуальные танцы.

22. Как погибла великая империя...

Историки полагают, что одной из основных причин поражения инков было то, что перед началом вероломной экспедиции конкистадоров империя, жившая до того сто сорок лет в мире, была раздроблена и ослаблена борьбой за наследование трона между старшими сыновьями Верховного Инки Уайна Капака, умершего в 1527 году от чёрной оспы, занесённой, кстати, европейцами. В результате гражданской войны в решающем бою в 1530 году победил, правильнее будет сказать, совершил государственный переворот Атауальпа. Этот трёхлетний кровавый конфликт сильно ослабил империю и разделил правящий клан на два враждебных лагеря.

Когда в 1532 году на тихоокеанское побережье высадился отряд хорошо вооружённых испанцев под предводительством Франциско Писарро, уже не раз, начиная с 1525 года, бывавшего здесь с командами меньшей численностью для сбора разведанных, страна ещё не оправилась от междоусобицы и опустошительных эпидемий чёрной оспы и кори. Так что испанцы выбрали для завоевания весьма подходящий момент.

Что немаловажно, с ними в этот раз была и группа заранее подготовленных переводчиков. Понимая, что империю инков в лоб не возьмёшь, Писарро стал действовать по проверенному принципу “разделяй и властвуй”. К тому времени он уже имел своих людей при дворах обоих инкских вождей. Они умелыми наветами поддерживали вражду между братьями. Тактика интриг была весьма продуктивна, поскольку прямодушные индейцы прежде не знали обмана, и если человек говорил: “Я твой друг”, то это не подвергалось сомнению.

“Благородного идальго” на этом пути не смущали ни доверчивая искренность и душевная чистота, ни беспрецедентное гостеприимство “дикарей”. В подтверждение тому приведу отрывок из письма одного из конкистадоров к матери: “...Туземцы не отказывают нам ни в чём. Чего у них ни попроси, они охотно с каждым делятся и относятся к нам так любезно, что, кажется, готовы отдать свои сердца”.

Одновременно Писарро умело склонял на свою сторону вождей подвластных инкам племён. Он внушал им, что испанцы пришли сюда “как их друзья и союзники”, и сулил поддержку в борьбе за самостоятельность. Гарантировал, что в случае успеха именно их назначит независимыми правителями.

Тем инкам, которые были возмущены незаконным захватом трона Атауальпой, испанцы обещали предать самозванца суду. Самому же Атауальпе они клялись в дружбе и говорили, что он самый мудрый и самый достойный, что для упрочнения его власти им необходимо объединиться и устранить старшего брата.

Расположив, таким образом, к себе действующего правителя, Писсаро пригласил его в город Кахамарка для дружеской беседы и обсуждения плана дальнейших действий за совместной трапезой.

Оставив своё 30-тысячное войско на подступах к городу, Атауальпа вошёл в него в сопровождении пятитысячной свиты, не взявшей с собой, ввиду миролюбивости встречи, оружия. Когда вся процессия оказалась на площади, со всех примыкающих к ней улиц на индейцев ринулись всадники, а из окон открыли огонь из мушкетов стрелки.

Инки были настолько ошеломлены подобным коварством, что даже не защищались. Да и что могли противопоставить безоружные люди в одеждах из шерсти и кожи мечам и изрыгающим смерть ружьям испанцев, закованных к тому же в непробиваемые латы. Кровавое побоище длилось более часа. Свиту Верховного Инки изрубили, перестреляли, а самого Атауальпа пленили. Из испанцев, естественно, никто не пострадал. Так европейцы до смешного малыми силами добились первой победы.

Стремясь вернуть себе свободу, Атауальпа, вместо того чтобы отдать приказ оставшимся за крепостными стенами воинам идти в наступление и разорвать на куски две сотни подлых обманщиков и несколько сотен вассалов,

малодушно распорядился в качестве выкупа заполнить золотом комнату, в которой его держали.

Исполняя приказ Верховного Инки, во все уголки империи помчались гонцы-сороходы. Каждый нёс “письмо”, состоящее из длинных, разного цвета шнурков, завязанных в сложные узелки и сплетения. Это были кипы – условные знаки для посвящённых: они указывали, куда и сколько доставить золота. (Сохранились кипы, в которых узелков было около двух тысяч – целые повести!)

Получив невиданный в истории человечества выкуп, “благородный идальго” – Франциско Писарро распорядился задушить пленника с помощью специального железного ошейника – гарроты, а тело, чтобы жрецы не воскресили, расчленил и сжег.

Так, пользуясь неискущённостью инков в хитросплетениях двойной дипломатии, империю лишили Верховного правителя. Затем умело перессорили между собой военачальников и вождей индейских племен. В итоге мощное государство, являвшееся, по запоздалому признанию самих колонизаторов, одной из самых справедливо и разумно устроенных “коммунистических” империй, прекратило своё существование...

С последними годами существования империи инков связано много легенд и загадок. Одна из них гласит, будто император Атауальпа, когда понял, что его обманули, желая хоть как-то досадить испанцам, тайком передал верным людям ещё одно кипу: письмо, состоящее из тринадцати разных узелков. Через месяц из Куско на север ушёл тяжело груженный отряд воинов.

Куда он отправился, точно не известно. Учёные предполагают, что, скорее всего, к огнедышащим вулканам Эквадора, každодневно выбрасывающим из своих раскалённых жерл дымящиеся бомбы и облака удушливых газов. Этот неприютный, покрытый непроходимыми лесами край лучше всего подходил для спасения ритуальных и золотых сокровищ от алчных и ненасытных испанцев. Не случайно среди жителей тех мест до сих пор живы легенды о сказочном Эльдорадо и Городе Цезарей, который, благодаря удивительным способностям жрецов, скрыт “энергетической завесой” и недоступен взорам чужаков. Это, конечно, мифы, но иногда как раз они со временем становились реальностью, а то, что не подвергалось сомнению, оказывалось вымыслом.

Предположение, что загадочный Эльдорадо существует, подтвердили и найденные в глухом каньоне Центральных Кордильер в конце XX века пять золотых статуи высотой в человеческий рост. Они были такими тяжёлыми, что для их погрузки пришлось прибегнуть к помощи лебёдки. По всей видимости, индейцы бросили их, спасаясь от погони.

Старинные хроники и записки испанских конкистадоров, дошедшие до наших дней, свидетельствуют и о существовании подземного города, состоящего из лабиринта галерей, потайных храмов. В них якобы укрыты золото и священные реликвии. Но карта с его местонахождением находится у посвящённых, живущих, как простолюдины. И то у каждого только часть от неё.

В одном из донесений испанцев говорится о том, что незадолго до того, как конкистадоры вошли в Куско, из Храма Солнца бесследно исчезли мумифицированные тела тринадцати инкских императоров. Они были в одежде, с нашитыми на неё золотыми пластинами с выгравированными сценами из их жизни. Вокруг лежали украшения из драгоценных камней. Пропал и золотой трон Инков, установленный на массивной плите, отлитой тоже из золота.

Через 26 лет после захвата Куско один из предводителей конкистадоров Поло Ондегардо по подсказке столичного торговца, подкупленного щедрыми подарками, заполучил три из этих тринадцати мумий. Сняв вожделенные золотые пластины, он приказал солдатам изрубить мумии на мелкие куски. Инки, узнав о таком святотатстве, убили предателя.

Остальные десять мумий до сих пор не найдены. Возможно, они, как и золотой трон Империи, так и лежат в тайных катакомбах под городом Куско или крепостью Саксайуаман. Пока все попытки кладоискателей подступиться к ним завершились неудачей либо трагедией.

... В древнем Перу столкнулись не только разного технического уровня и оснащения армии, но и абсолютно разные мировоззрения. У европейцев устроить козни, оттолкнуть локтями ближнего, разбогатеть любой ценой считалось естественным и не зазорным. Для индейцев же обман, страсть к наживе, жадность, тем более накопительство, считалось презреннейшим из всех состояний, до которых может пасть человек. У них, к примеру, было постыдно иметь в доме еду, если её не было у соседа.

Согласно действовавшей в стране морали индейцы с молоком матери впитывали убеждение, что щедрость – это главная добродетель человека. С детства их учили испытывать радость, отдавая нуждающемуся самую любимую вещь.

Один из испанских хронистов записал в конце отчёта о завоеванной стране: “По правде говоря, мало народов в мире имели лучшее правление, чем инки”.

... После казни Атауальпо расчётливые испанцы в 1532 году посадили на трон очередного законного наследника – Тупака Уальпу, а когда он умер (от отравления) в 1535 году, четвёртого брата – Манко Инка Юпаки (тот был убит испанцами за неподчинение в 1544 году). Сажая каждый раз на трон законного наследника, завоеватели как бы говорили индейцам: “Смотрите! Мы ваши друзья. Мы признаём законы вашей империи!” Население успокаивалось и на время прекращало выступления. Это давало колонизаторам возможность обустроиться и, постепенно запуская свои щупальца во власть и экономику, без тотальной войны устанавливать своё господство.

Последнее восстание индейцев было подавлено в 1572 году. Тогда же обезглавили последнего законного правителя империи – императора Тупак Амару, племянника Атауальпа.

23. Боливия. Титикака

До обеда занимались в консульстве Боливии оформлением виз. Выдаются они бесплатно, но потрудиться ради их получения пришлось изрядно. Сначала в поисках ксерокса оббегали весь центр. Найдя, сделала копии паспортов, сертификатов о прививках, авиабилетов. Потом через интернет заказали гостиницу в Ла-Пасе и два часа ждали, когда придёт документальное подтверждение. Затем сфотографировались, и только после этого нас записали в очередь к консулу.

Тот оказался спесивым буквоедом, упивавшимся своей безграничной властью: ничего не объясняя, почиркал анкету и объявил тоном, исключающим вопросы: “Не правильно! Переписать!” Общаться на английском наотрез отказался, хотя было видно, что понимает. Но – мы в Латинской Америке!.. Слава Богу, с третьего захода всё же заполнили и мудреную анкету, и заявление без ошибок. Иначе не видать бы нам Боливии. Можно было, конечно, попробовать с пограничниками договориться, но это опасно. Впустить, может, и пустили б, да только как потом без отметки в паспорте выедешь?

Первая половина пути проходила по берегу Титикаки. (Озеро на две трети принадлежит Перу, на одну треть Боливии). Узкая лента земли между дорогой и водной гладью вся в золотистых лоскутках поспевшего ячменя. Тут, возле воды, ни один клочок “не простаивает” без дела. Крестьяне серпами срезали стебли с тугими колосьями и ставили их в снопы – знакомая картина из давнего деревенского детства. Справа на склонах гор тучные стада коров, отары овец... Богатая, плодородная земля!

Граница встретила нас поникшими от безветрия государственными флагами, зебристыми шлагбаумами и уже привычной многоголосой суетой и беготнёй между пропускными пунктами: оплачивали сборы, ставили штампы “вышел – зашёл”. Завершающим аккордом явился дотошный “шмон” рюкзаков боливийскими пограничниками в мятых мундирах, наконец, автобус трогается, и через полчаса въезжаем в уютный боливийский курортный городок Копакабана, прилепившийся на склоне холма и застроенный небольшими двух-трёхэтажными отелями в колониальном стиле. В центре большой белый кафедральный собор начала XVII века.

Мы и поселились в отеле “Колониал”. Цены просто смешные: 6 долларов на двоих (90 рублей с человека)! Против наших гостиниц это до неприличия дёшево, но ведь не разоряются! Я бы сказал, даже неплохо живут!

По улице с сувенирными лавками спустились в быстро густеющих сумерках к бухте в расчёте на приятную прогулку по набережной и романтический вечер за кружкой пива, но нас ожидало разочарование. Набережная представляла собой захлащенный, покрытый грязными рыбинами берег, погруженный к тому же, ввиду отсутствия фонарей, в непроницаемый мрак. Контраст разительный: наверху шикарные отели, а внизу – такое убожество! Тут не то что гулять, ходить опасно. Странно! Обычно набережные в городах – самая красивая и обустроенная зона с ресторанами, кафе, уютными сквериками.

Так что ужинать пришлось без “вида на море с лунной дорожкой”, зато попался нам суперэрудированный официант. От него мы узнали, что Боливия

до 1824 года входила в состав Перу. После разгрома испанских колониальных войск борцами за независимость под предводительством Боливара и Сукре страна была разделена на две части, образовавшие новые государства: собственно Перу и новое – Боливию. Здесь, как и в восточной части Перу, большинство населения – индейцы (60%), уклад жизни которых не изменило даже 300-летнее испанское владычество. В Андах живут кечуа, а в окрестностях Титикака (озеро находится на территории двух государств) – аймары. Все они до сих пор говорят на языке предков.

Утром спустились к бухте, сплошь забитой лодками, яхтами, и на скоростном катере помчались к острову Солнца. Его контур на карте действительно напоминает солнце: от центрального “ядра” во все стороны расходятся, причудливо извиваясь, узкие щупальца – полуострова.

Высота острова около трёхсот метров. На восточном побережье в небольших бухтах приютились три селения. Прокочив мимо первых двух, высадились в последнем. Зернистый песок, раскалённый высоко стоящим солнцем, лениво пинали мягкие кулачки волн. У домов в пыли рылись куры. На отполированном штанами бревне о чём-то неторопливо беседовали загорелые белоголовые старики. Безмятежная тишина и покой царили вокруг. Проводник повёл нас по каменной тропе на вершину холма – к руинам древней цитадели.

От открывающихся нам красот мы то и дело ахали: до того живописны были скалистые берега, украшенные мазками сочной зелени; прозрачные бухты с изумрудной водой, сквозь которую отчётливо просвечивались разбросанные в беспорядке каменные глыбы и тёмно-зелёные поля водорослей; вздымающийся над зеркальной гладью озера хребет с серебристой насечкой ледников.

В этом месте озеро Титикака особенно похоже на Байкал в летнюю пору – суровый, могучий, величественный! А бухты напомнили побережье Японского моря на севере Приморского края. Правда, местные руины после Мача-Пикчу и Ольянтайтамбо не произвели впечатления. Отдохнув на каменных скамейках, стоящих вокруг стола из гранитного монолита, спустились к пристани и на катере вернулись к первой овальной бухте с высоким, украшенным мощными скальными выходами, берегом. На его кручах, в тени деревьев, лепились в беспорядке глинобитные хижинки.

К самой высокой точке острова карабкались между крошечных земельных наделов вместе с индейцами, несущими мешки с цементом. На вершине стоял внушительный крест, поодаль торчали стены инкских построек из камня. На них строители вели реставрационные работы. Отсняли на видео панораму озера Титикака, обрамлённого горами, особенно высокими и заснеженными на юго-востоке, где, судя по карте, находится главный город Боливии – Ла-Пас.

Ночевали в крытой соломой хижине за 20 боливиан (80 рублей) на двоих. Рядом, прямо на краю отвесного обрыва, душ с чёрным баком на крыше, отдельно туалет, в котором через “очко” можно лицезреть плещущееся в метрах двадцати озеро. Мда! Живо представилось: островитянин справляет нужду, а под ним проплывает лодка с туристами. . .

На ужин черноокая хозяйка приготовила местную форель с зеленью и подала её с бутылкой холодного боливийского вина. Яркие звёзды на аспидном бархате, едва заметная зыбь высокогорного озера, лёгкий ветерок, терпкое вино – что ещё надо для счастья? Ложусь в прекрасном настроении. Мало кому из россиян приходилось спать посреди высокогорного озера Титикака.

Весь следующий день, отключившись от всех забот, продолжали упиваться окружающими нас красотами и царящим вокруг покоем. Слушали шёпот мерно накатывающих на берег волн: казалось, что это шелестит сочащееся в никуда Время. Любовались на парящие в ультрамаринном солнцевороте полупрозрачные перистые облака, на сплетённые из тростника парусники, “усы”, рассекающие водную гладь. Представляли, как на таком же судне плыла к острову Пасхи команда Тура Хейердала вместе с нашим незабвенным Юрием Сенкевичем.

Я то загорал, то купался: пекло так, что холодная вода Титикаки казалась благом. В голове вертелся каламбур “Над островом Солнца – спящее солнце”. В общем, было хорошо, как никогда!

Час расплаты за беспечность настал вечером, когда моё тело покрылось такими крупными водянистыми волдырями, что в последующие двое суток меня не покидало ощущение, будто живот и спину поливают кипящим маслом. (Мудрый Эмиль избежал этой пытки, поскольку наслаждался видами природы, отсиживаясь в тени.) Что на это сказать? Наверное, больше всего

подойдёт поговорка “Дуракам закон не писан!” Знал же, что на высоте 4 000 метров ультрафиолета – бездна! Так нет – надо обязательно проверить.

24. Ла-Пас. Город мира и рынок ведьм

Из Копакабаны отправились в Ла-Пас (Мир – в переводе) – самый крупный по численности населения мегаполис страны (1 млн 600 тыс.). Если посмотреть на карту – до него рукой подать, но из-за паромной переправы дорога отняла полдня.

На высоченный гребень кратера спящего вулкана, на дне которого раскинулся город, поднимались уже в кромешной тьме. Поднявшись, ахнули от изумления: глубоко внизу, под нами, колыхалось море огней. Когда спускались вдоль внутренней стенки кратера, была полная иллюзия, будто погружаемся в жерло вулкана, дно которого залито огнедышащей магмой. В самом городе по всем улицам, несмотря на поздний час, текли, подобно лаве, змеевидные потоки машин, по большей части старых и немилосердно чадающих. Водители, истошно сигналив, неслись напропалую, не обращая внимания на манёвры соседей. Наш таксист, чудом избежав столкновений, лихо протискивался сквозь этот хаос из автомобилей и спящих между них пешеходов.

С размещением возникла проблема. Похоже, что отелей здесь немного. После двухчасовых разъездов с большим трудом нашли комнатку за 80 боливиан – 320 рублей.

В городе довольно прохладно: сказывается высота и близость ледников. Кстати, Ла-Пас – самая высокогорная столица в мире – она расположена на высоте 3650 м над уровнем моря. (Официально столицей Боливии объявлен город Сукре со 100-тысячным населением, но по факту всё же Ла-Пас – здесь резиденции и президента, и правительства).

С утра знакомимся с этим многоликим, разношёрстным конгломератом, плотно устлавшим дно древнего кратера. (Не перестаю удивляться беспечности и недальновидности людей: вулкан ведь из категории спящих – в любой момент может проснуться и разбросать на десятки километров все эти дома с их беззаботными обитателями.)

Боливия относится к бедным странам, но по Ла-Пасу этого не скажешь. В центре, наряду с красивыми старинными зданиями XVIII–XIX веков, много современных высоток из стекла и бетона. Президентский дворец и Дом Правительства находятся на главной площади в двадцати метрах от отдыхающих здесь же горожан. Посреди неё сквер с фонтаном, клумбами и неслучайно конной статуей какому-то военачальнику. По всей видимости, одному из героев борьбы за независимость.

На улицах обращают на себя внимание стайки школьников. Все в чистых, отутюженных формах. На плечах погончики, на рукавах лычки – их количество соответствует классу. Что интересно, молодёжь гуляет с уже забытыми у нас транзисторными приёмниками, в то же время интернет-кафе – на каждом шагу. Интересное сочетание.

Плотность транспортного потока днём ещё более возросла. Самая точная характеристика принципа движения – неуправляемый бедлам с минимальным, леденящим сердце европейца зазором между сумбурно перемещающимися автомобилями. Считается, к примеру, нормальным с крайней правой полосы неожиданно, не включая даже сигнала “поворот”, пересечь в полуметре от идущих машин всю улицу налево и наоборот. Наверное, по этой причине на улицах так много “лежачих полицейских”. Что удивительно, мы ни разу не слышали возмущённых криков и злобных ругательств в адрес лихача. При этом аварий практически нет. Наблюдая за рискованными, непонятно каким образом благополучно завершающимися манёврами, на ум невольно приходит цитата нашего русского великого анархиста князя Кропоткина: “Анархия – мать порядка!”

Вообще водители в Перу, и в особенности в Боливии, – это отдельная тема! Теперь мне понятно, почему в этих странах нет (по крайней мере, мы не встречали) фирм, сдающих автомобиль в аренду. Иностранец на первом же перекрёстке либо устроит ДТП, либо, парализованный творящимся бардаком, встанет и заблокирует движение. Ещё одна местная “шиза” – все постоянно сигналият. Просто так, едут и сигналият, как маленькие дети. Ну, чистая Азия!

Горизонтальных улиц в городе практически нет: по большей части то круто вниз, то круто вверх. Глаз это радует, но ходить по ним из-за недостатка кислорода тяжело.

Стоит удалиться от респектабельного центра на два-три квартала, как оказываешься в окружении прилавков, заваленных всем, что душе угодно: начиная от вязаных носков и кончая варёной кукурузой. Здесь торгуют только женщины. Они облачены в цветистые кофточки и множество широких юбок. Поверх чёрных волос, расчёсанных на прямой пробор и часто заплетённых в косы, тёмные фетровые шляпы-котелки.

В Боливии, как и в граничащих с ней провинциях Перу, проживают в основном индейцы аймары. Мужчины на лицо неотличимы от индейцев кечуа, но боливийских женщин сразу узнаешь – они посуровей на вид, и все непременно в крохотных шляпках-котелках.

Приметив особо колоритную тётю, начинаю “охотиться” – ловить момент для снимка. Это непростая задача, так как боливийки не любят, когда их фотографируют и, как правило, либо отворачивают лицо, либо убегают. Эх, и эта убежала!

Что ещё мы заметили? Если в Перу не менее 80% туристов пенсионного возраста, то здесь, в Боливии, в большинстве молодёжь (в основном альпинисты и велотуристы). Похоже, что мы в Ла-Пасе из иностранцев самые возрастные.

Как мне показалось, люди в Боливии подружелюбней, почестней, чем в Перу. Правда, посещение рынка ведьм меня повергло в ужас. Более мерзкую картину трудно вообразить. До сих пор не могу отделаться от ощущения, что соприкоснулся с самым отвратительным проявлением человеческой природы. Представьте себе десятки магазинчиков, на прилавках которых лежат сотни скрюченных эмбрионов самых разных животных (среди них я узнал только младенцев лам с широко раскрытыми, как будто от удивления, глазами), высушенными лягушками, шкурами змей, хвостами, лапами, копытами... На это скопище безвинных жертв не только глядеть, но даже закрыв глаза, стоять рядом невыносимо. Тягостное впечатление усугубляет тяжёлый, вязкий дурман, исходящий от дымящихся на стойках палочек.

Через минуту нам с моим спутником Эмилем стало так плохо, что мы покинули рынок почти бегом. Я потом много дней с трудом сдерживал подступавшие при одном воспоминании о рынке ведьм приступы тошноты.

Поражает количество стражей порядка в городе: они на каждом шагу. Примерно половина – женщины. Экипировка на загляденье, и спецсредствами оснащены по полной программе, а порядка, тем не менее, маловато. Позже в Чили мы не видели ни одного полицейского, но, что удивительно, порядок был безупречный. Вспоминается тамошний водитель микроавтобуса, который остановился среди бескрайних барханов перед бессмысленным (вокруг на многие километры ни одной машины и ни одного пешехода) знаком “STOP”.

Автомобили в Боливии в основном японские: “Тойоты”, “Хюндаи” и “Мазды”. Изредка встречаются европейские “Фольксвагены”, “Рено”, “Пежо”. Ещё реже – американские громилы. Наших же практически нет. Пару раз встретились лишь “Нива”.

Многие туристы едут в эту страну, чтобы побывать в Тиаунако, районе, где сохранились следы цивилизации, существовавшей задолго до инкской (1500 лет до н. э. – 900 лет н. э.). Её представители в совершенстве умели обрабатывать камни, металлы, знали геометрию, астрономию, возводили огромные здания и пирамиды. Судя по тому, что найденные там скульптуры отражают все виды рас, населяющих нашу планету, можно предположить, что тиаунакцы много путешествовали. Нам рассказали об этой, мало известной у нас, цивилизации слишком поздно – мы уже были на пути в Чили. Не добрались мы из-за удалённости и до уникальной староверческой общины, обосновавшейся в деревне Тоборчи возле равнинного городка Санта-Круз. Благодаря добровольной самоизоляции ради “бегства от антихриста”, её члены, проживая в абсолютно чужеродной среде, сумели сохранить в неизменном виде язык и обычаи прадедовской Руси.

Возможно, это удастся сделать в будущем. Тем более что мне хотелось на собственной шкуре испытать, что такое непроходимая, местами – сплошь залитая водой боливийская и бразильская сельва, покрывающая гигантскую, даже по российским масштабам, пойму Амазонки. Моё воображение с детства будоражили рассказы о живущих там совершенно автономно индейских

племенах, невероятно злобных пираньях, аллигаторах, ядовитых пауках и змеях, мириадах кровососущих насекомых.

25. Пересекая Анды

К чилийской границе выехали задолго до рассвета. В машине все дрожат – холодно. На термометре минус четыре. На склоне, изъеденном воронками в два-три метра глубиной, остановились. В воздухе резкий запах сероводорода. На площади в несколько гектаров земля буквально дрожит от бушующих в глубине “страстей”. Из невидимых пока нам жерл со свистом, с рёвом вырываются горячий пар и струи кипящей воды. Шум стоит такой, что разговаривать невозможно. Ходили между воронок крайне аккуратно, подсвечивая фонариками – поскользнёшься и угодишь в кипящий котёл.

У одного из термальных источников мы остановились. Поёживаясь от холода, померили температуру воды. Для купания в самый раз – плюс 40, но раздеваться в пятиградусный мороз, да ещё после сна, не хотелось. Все уже зашли в воду, а я никак не мог заставить себя снять одежду. Зато, когда решил, не пожалел. Оказывается, это такое блаженство – лежать в горячей воде, выставив над парящей поверхностью только нос и глаза, и снисходительно поглядывать на Диего, дрожащего на покрытом инеем валуне.

Чем глубже забираемся в Анды, тем меньше облаков. Сегодня на небе за весь день вообще ни одного так и не зародилось. Трава давно исчезла. Подъехали к знаменитой лагуне (так местные называют озёра) Верде. Она прославилась тем, что в течение суток несколько раз меняет свой цвет от небесно-голубого до ярко-зелёного. В её застывшей глади, как в зеркале, отражалась громада стратовулкана Ликанкабур (5920 метров) с чётко прорисованным провалом кратера. Озеро, похоже, обмелело, и на обнажившемся дне лежали минерализованные тела каких-то мелких зверьков. На ощупь они были твёрды. При многолетнем соприкосновении органических тел с солями металлов происходит замещение органических тканей на медь и железо. Как-то в одной чилийской шахте нашли труп человека, настолько минерализованный, что он походил на скульптуру, отлитую из меди.

Соседняя лагуна Бланка была затянута прозрачным ледком. Температура замерзания местных озёр разная. Она зависит от состава и концентрации солей в воде. Скоро сюда придёт настоящая зима, и тогда уж все озёра покроет ледяная броня.

Отсюда дорога решительно поворачивала на юг и, огибая махину Ликанкабура, вела к водоразделу, вдоль которого проходит граница Боливии с Чили. Вот и КПП: поперёк грунтовки шлагбаум, вокруг несколько вагончиков. Наши российские паспорта вызвали у пограничников повышенный интерес. Позвав офицера, они долго разглядывали то паспорта, то нас. Выглядело это почти как в известном стихотворении Маяковского. В это время с чилийской стороны к границе подъезжает труженик “Камаз”! Ура! Как приятно видеть в этих безлюдных местах колоритного посланца родины, много раз побеждавшего на знаменитых ралли “Париж–Дакар”.

Мы прощаемся с Диего и замечательными попутчиками. После завершения проверки документов нас сажают в дежурную машину и везут к оазису Сан-Педро, приютившемуся на краю высокогорной пустыни Атакама. Там уже таможенники проверят содержимое наших рюкзаков на предмет контрабанды. Падение высоты получилось очень резким: за семь минут мы спустились с 4600 метров до 2550. Дорога – безупречный асфальт. Сразу становится понятно: Чили богаче Боливии!

26. Чили. Лунная долина и долина гейзеров

Горы расступились. Вид травы и зелёных шатров деревьев, защищающих оазис Сан-Педро от палящего зноя, после нескольких дней среди соли и голых камней приятно ласкал взор.

Сержант остановил машину у вагончика, в котором находилась таможня. Офицер долго и тщательно перебирал содержимое рюкзаков (в Чили запрещено ввозить что-либо растительного происхождения). Убедившись, что продуктов и растений нет, сделал отметки в паспортах и пожелал интересного времяпрепровождения.

Здесь нам предстояли три ночёвки — все запланированные маршруты (Лунная долина, долина гейзеров Эль-Татио, действующий вулкан Ласкар) начинались из этого оазиса. Сан-Педро оказался очень милым селением с узкими улочками, одноэтажными саманными, побеленными домиками. Жизнь его обитателей подчинена интересам “кормильцев” — туристов, приезжающих сюда со всего мира познакомиться с уникальными памятниками природы

Комнату сняли в уютном, с собственным двориком и гамаками между деревьев хостеле за 14 долларов на двоих. Номер обставлен весьма прилично, правда, туалет и душ общие. За отдельные “удобства” пришлось бы доплачивать 30 долларов в сутки. Какой смысл?! Пообедали тоже за 14 долларов, но уже с каждого: в Чили цены на продукты заметно выше, чем в Боливии.

Поскольку Лунная долина была ближе всех к оазису, с неё и начали. Она вытянулась между Центральными Андами и океаном. На севере от Сан-Педро. Постоянные ветра с песчаными бурями превратили здешние горы в скопище исполинских клыков, доисторических чудищ, причудливых замков, острокопечных спиелей, стянутых понизу обручами из обломков угловатых глыб. Между ними разбросаны цирки, впадины, провалы, пирамиды. Из-за поднимающегося текучего марева их очертания то расплываются, то затейливо извиваются. Всё это и в самом деле напоминает лунный пейзаж. Особенно сильное впечатление Лунная долина произвела на нас при закате. Началась такая игра теней и света, что мы замирали от восторга. Палитра менялась в самых широких пределах: от бело-кремовой до бордовой и тёмно-фиолетовой.

Столь глубокая эрозия этих гор связана с тем, что они наполовину состоят из каменной соли. Когда рассматриваешь эти склоны вблизи, то видно множество прозрачных прожилок и вкраплений — это и есть соль. Местами её так много, что грунт напоминает застывшее стекло. Когда ступаешь на него, он начинает поскрипывать, как снег на морозе. А ночью вся эта полупрозрачная, сжимаемая холодом, масса заставляет горы издавать жуткие стоны. Не удивительно, что эта долина абсолютно безжизненна. С наступлением темноты в ней наблюдается ещё одна странность: блуждающие огни, наводящие ужас на одиноких путников.

Если здесь вдруг пройдут обильные, затяжные дожди, то многие отроги “поплывут”, и “лунные пейзажи” могут неузнаваемо измениться за несколько дней. Правда, это маловероятно: осадки здесь столь редки, что высокогорная пустыня Атакама, на которой находится и Лунная долина, признана самым засушливым местом на нашей планете.

В Эль-Татио — знаменитую долину гейзеров, выехали ночью — в 3.30. До неё почти 100 километров, а нам надо быть там до восхода солнца: когда воздух прогреется, столбы пара будут выглядеть не столь эффектно. Подморозивало — минус 6 градусов (зимой здесь бывает до минус 25). Печка в машине не работала, и я в своей лёгкой курточке уже на полпути промёрз насквозь. Этому, безусловно, способствовала и четырёхкилометровая высота (на высоте нарушается терморегуляция).

В интересующую нас котловину въехали в полной темноте. На альтиметре 4200 метров над уровнем моря. Пока пили горячий кофе с бутербродами, стало светать. Яркие звездочки гасли одна за другой, и вскоре нашему взору открылась зажатая горами овальная впадина, густо заставленная высоченными белыми колоннами.

Как сказал проводник, ночью подземный мир дремлет, накапливая силы, а на рассвете долина начинает “дышать” — покрывается фонтанами кипящей воды и бугристыми столбами пара. На чёрном фоне гор в лучах восходящего солнца вся эта доисторическая панорама выглядела фантастической.

Подойдя к гейзерам поближе, даже сквозь толстую подошву горных ботинок ощутил дрожь от беснующейся в подземных резервуарах кипящей воды. Вырывающийся из сотен жерл пар громоздил к небу белоснежные башни, вальжно расплывающиеся в вышине. С восхищением наблюдая за самыми активными и мощными, не забываем фотографировать их.

Когда напор кипящей в каменной утробе воды спадает, гейзеры засыпают. На короткое время воцаряется обманчивый покой. Один такой “задремавший” гейзер, когда я заглянул в его жерло, выстрелил мне в лицо изрядную порцию кипятка. Слава богу, реакция не подвела — успел отпрянуть.

Почва вокруг природных “фонтанов” вся в солевых наплывах. Толстых и прочных у старых, тонких и хрупких — у молодых. Ступая на них, человек ри-

скует провалиться в кипящий котёл. Поэтому “желторотых” лучше обходить стороной. Несколько лет назад двое туристов так и сварились в кипятке...

Наблюдая за гейзерами, видишь: у каждого из них свой характер, свой режим, свой голос. Одни ревут с угрозой, другие урчат или посвистывают себе под нос потихоньку, третьи взрывные: то вялые – их чуть заметно, то вдруг начинают бесноваться. Самые неугомонные трудятся круглые сутки без остановки.

27. Вулкан Ласкар

Завтра восхождение на грозный и печально известный вулкан Ласкар – наиболее активную “коптилку” в Чили. Особенно “славно” он потрудился в 2006 году, накрыв пеплом ещё и половину Боливии. Чили богата вулканами. Только действующих пятьсот! В их числе и самый высокий на Земле – Охос дель Саладо. Его рост – 6 893 метра. А вообще-то среди вулканов, включая и спящие, самый рослый – его аргентинский сосед Аконкагуа. Правда, выше он всего-то на 69 метров.

Итак, Ласкар! Он находится в 40 километрах к северу от Сан-Педро. Стоит из шести кратеров. Высота самого активного – 5592 метра, а самого высокого – 5719 метров.

Вечером, перед восхождением, во время ужина решили себя побаловать. Правда, не рассчитали свои возможности и заказали столько, что пришлось усиленно работать челюстями на протяжении двух часов! Порции-то здесь не в пример нашим: антрекот в два пальца толщиной и в две ладони шириной, гарнир из тёртого маиса и жареных томатов с перцем напоминал вулкан в миниатюре. Салат с авокадо был не меньше. Но это не всё: я съел ещё полную тарелку “сопо” – супа и с десяток кусков “пана” – хлеба. Кстати, о хлебе. В Южной Америке он, слава богу, повсеместно вкусный, но в каждой стране отличается по форме. В Боливии это круглые булочки. В Перу – пустотелые треугольники из пресного теста. В Чили – слоёные лепёшки, тоже пресные.

На гору предстояло подняться в сопровождении сухопарого и жилистого индейца Рональдо. Ветер и солнце хорошо продубили его мужественное лицо. В чёрных, с воронным отливом волосах проблескивает седина. Глянув на него, сразу понимаешь – горный барс.

К месту, откуда начинается восхождение, добирались на его джипе. Дорога петляла между голых хребтов, по склонам которых разгуливали, никого не опасаясь, ламы викуньи. Рональдо оказался разговорчивым, эрудированным собеседником. Он засыпал нас интересными фактами и историями о местах, в которых бывал, столь обильно, что Эмиль едва успевал переводить.

Думаю, все видели на фотографиях или по телевизору циклопические статуи острова Пасхи. Так вот, по мнению Рональдо, тому, кого судьба занесёт на перуанский участок Западных Кордильер, эти исполины покажутся жалкими пигмеями. Высеченные неизвестно кем и неизвестно когда на скалистых склонах этих гор гигантские барельефы поражают воображение своими размерами.

Здесь и собаки, и кондора, и обезьяны. (Почти как на плато Наска!) Удивительно то, что среди них имеются изображения животных, вообще не встречающихся на Южноамериканском континенте: слонов, верблюдов. Но ещё более удивительными оказались найденные там барельефы людей: по форме и пропорциям они схожи с истуканами острова Пасхи. Такие же неестественно острые подбородки, глубокие глазные впадины с нависающими надбровными дугами, при отсутствии в них хотя бы подобия самого глаза.

Ещё Рональдо рассказал легенду, о том, что именно на вулкане Ласкар несколько раз в году в момент заката над вершиной возникает призрачный мираж города Кималь, в котором обитают души всех людей, погибших в горах.

Вдоль дороги и по склонам видим выбеленные солнцем кости. Хотя и не человеческие, но всё равно это напрягает. По словам Рональдо, первые восходители видели на вершине вулкана высохшие, обтянутые кожей тела. Среди них мумии относительно недавнего времени: судя по костюмам – XVIII–XIX веков. Благодаря сухости воздуха и высокой солнечной радиации они хорошо сохранились. Если древние египтяне сохраняли свои мумии в саркофагах внутри громадных пирамид, то индейцам помогало поспорить с вечностью высокогорье и солнце.

А вот и Ласкар показался. Дальше дороги нет. Смотрим на альтиметр – традиционные 4000 метров (это средняя высота Альтиплано). Выйдя из ма-

шины, огляделись. В межгорной впадине ни ветерка. До подножья конуса – пара километров. Справа округлое озеро, в котором, как в зеркале, чётко, в мельчайших деталях отражается цель нашего визита – конус с многокилометровым, уходящим за горизонт хвостом дыма. Вокруг множество вулканов пониже. Их абсолютно голые склоны тоже изрубцованы шрамами осыпей и лавовых потоков кирпичного цвета. По берегу озера щеголяют в пышном сером оперении страусы нанду. Интересно, чем они тут питаются?

Поднимаемся, не торопясь, плавным, размеренным шагом. После отметки 5100 метров мелкий щебень и оранжевые, похожие на керамзит шарики, покрывающие склон, стали, как и на вулкане Масай, почему-то “жирными”, словно их окунули в масло. При этом сыпучий слой достиг такой толщины, что ноги буквально вязли в нём, а потревоженная масса приходила в движение и норовила стащить вниз. Часто перебирая ногами, как можно быстрее пересекаем такие места по восходящей линии.

Вот и первые вулканические бомбы появились. Чем ближе к жерлу, тем их больше и они крупнее. Число открывающихся взору хребтов, напоминающих бугристые шрамы на теле планеты, постепенно растёт. Наконец видим зубчатый гребень кратера. Он весь жёлтый от кристалликов серы. Из него валит мглистый дым. Порой к нему примешиваются клубы коричнево-серого цвета – это выбросы пепла. Явственно ощущаем запах тухлых яиц.

Несколько десятков шагов, и под нами разверзается воронка глубиной метров четыреста. На её дне сквозь переменчивую пелену просвечивают красноватые разводья. Придёт время и накопленная под ней мощь рванет так, что жизнь в округе замрёт на многие месяцы. Пикантность ситуации заключается в том, что Ласкар извергается с интервалом в четыре года. Нынче как раз подошло время для очередного выброса лавы, но в какой день это произойдёт, одному Богу известно. Может, завтра.

28. Аргентина

К столице Аргентины Буэнос-Айресу подлетали поздним вечером. Мириады суетливо подмигивающих “светлячков” делали город похожим на огромного осьминога, раскинувшего узкие щупальца во все стороны.

В аэропорту порадовала чёткая организация паспортного контроля. Нашим рейсом прибыло почти четыреста человек, и я приготовился к часовому стоянию в очереди. Отнюдь, через десять минут мы уже пили в баре кофе (с традиционным чаем в Аргентине проблема).

Как уже не раз отмечалось, стеклянно-бетонные джунгли не моя стихия, посему из достопримечательностей Буэнос-Айреса упомяну только президентский дворец на Пласа-де-Майо, мемориальное кладбище Реколето, соседствующее с фешенебельными кварталами исторического центра, и проспект 9 Июля, который здесь считают самой широкой улицей мира. А вот кладбище действительно поражает воображение: помпезные гробницы и склепы из мрамора больше похожи на дворцы султанов, греческие базилики. Необузданная роскошь и богатство удивляют своей бессмысленностью – зачем всё это умершему? К чему такие траты? Они же не даруют бессмертие! Не разумнее ли пустить эти средства на то, чтобы построить, к примеру, приют для престарелых или, на худой конец, оставить деньги наследникам? Эх! И после смерти соревнование тщеславий и амбиций продолжается!

На улицах столицы такое половодье такси, что достаточно остановиться и просителем глянуть на проезжающие авто, чтобы возле тебя тормознула пара машин. Садиться спереди здесь не принято – только сзади! Чтобы пассажиру было удобнее, переднее сиденье вообще придвинуто к панели.

Интересно было наблюдать, до чего трогательно мужчины приветствуют друг друга при встрече: нежно обнимаются, по несколько раз целуются. Может, именно благодаря такой повышенной сентиментальности аргентинцев танго столь популярно в этой стране?

Перед вылетом из аэропорта местных авиалиний к малоизвестному, но, по отзывам, самому крупному и красивому в мире водопаду Игуасу пошли искупаться в Атлантическом океане. Мутно-коричневый цвет воды нас шокировал. Больше всех меня. Ещё бы! Специально вёз из Уфы маску со встроенными линзами на минус семь диоптрий, чтобы насладиться подводным миром Атлантики, и на тебе – видимость в воде практически нулевая! Связано это с

тем, что воды в здешних реках изобилуют вымываемыми из берегов мельчайшими частицами глины. Судов в заливе негусто. Яхт вообще нет. Удивительно! Какая-то чудачковатая страна.

И женщины в городе страшненькие (прошу прощения, но, как честный путешественник, иного определения не могу подобрать). Николай Рундквист, четырёхкратный чемпион России по спортивному туризму, руководитель нашей экспедиции по Аргентине, верно подметил: то, что мужчины на юге красивые, а женщины так себе, а на севере наоборот – это классика! Вывод напрашивается весьма необычный: тяжёлые природные условия, необходимость много работать делают женщин... краше.

До Игуасу, находящегося на границе с Бразилией, долетели за полтора часа. Оставив рюкзаки в приюте, сразу отправились по холмистой, покрытой тропическим лесом равнине туда, откуда нёсся утробный рокот. Шли, переступая через деловито курсирующих по красной земле двухсантиметровых муравьёв-отшельников и отбиваясь от настырных попрошаек – енотообразных коати. Наконец пышные заросли расступились, и мы застыли от изумления: в два примыкающих друг к другу каньона, образовавшихся в результате тектонического разлома, низвергалось... 275 (!) водопадов, разделённых базальтовыми лбами и скалами. Над каждым клубились столбы водяной пыли, ниспадающей искристым шлейфом, перетянутым сочной радугой.

Глядя на эту завораживающую красоту, понимаешь, что водопад Игуасу попал в число семи чудес природы не случайно. Энергетика падающей с высоты семидесяти метров громадной масса воды в буквальном смысле заряжала нас.

Если вы зададите кому-либо вопрос о том, какой водопад на нашей планете самый крупный, абсолютное большинство ответит: “Ниагара в США!” (вообще-то, он по преимуществу канадский – США принадлежит лишь 14% слива). Кто-то вспомнит африканский водопад Виктория (местные его называют куда образнее – Гремящий дым). И только единицы уточнят, что имеется в виду: ширина, высота или мощь, поскольку термин “самый крупный” по отношению к водопадам звучит весьма неопределённо.

Если имеется в виду высота, то это венесуэльский Анхель (1054 метра). Если ширина слива – водопад Кон в Лаосе (12500 метров). Но – самый мощный, самый зрелищный и ошеломляюще красивый – это, бесспорно, Игуасу! За сутки он низвергает с семидесяти метрового уступа в среднем один миллиард тонн воды! Недаром Игуасу переводится с испанского как “Большая вода”. Съедая сантиметр за сантиметром от кромки слива, водопад “отползает” каждый год на два метра вверх по течению. Охватить его одним взглядом физически невозможно. Чтобы обойти и отснять под надзором вечно голодных крокодилов все ревушие и клокочущие сливы, нам понадобилось два дня!

... Летим вдоль атлантического побережья на юг Аргентины в Патагонию, к ледникам Эль-Калафате. С самолёта хорошо видно, что океанская вода вдоль побережья на несколько сот километров жёлто-коричневая. Правда, чем дальше на юг, тем она становится чище, постепенно приобретая привычный ультрамариновый цвет. Пролетев полторы тысячи километров, сворачиваем на запад – к Андам, за которыми тянется узкой полосой соседка Аргентины – Чили.

Пересекаем малозаселённую, бледно-бежевую, каменистую, с пятнами полузасохших озёр, степную пампу – Южную Патагонию. Различаем на ней одиночные кошары, пылинки то ли овец, то ли коров (никакая иная хозяйственная деятельность, кроме животноводства, на этих бедных, безводных землях невозможна).

Интересно происхождение названия этого огромного края – “Патагония”. Участники экспедиции Магеллана были до такой степени поражены внушительностью комплекции местных индейцев, что стали называть их Patagano – Большая Лапа.

Самолёт приземлился у хребта, залитого льдом. Здешние глетчеры занимают третье место в мире по количеству замороженной пресной воды (уступают только Антарктиде и Гренландии). Это и не удивительно – отсюда до седьмого континента уже рукой подать!

Остановились в небольшом, симпатичном городке Эль-Калафате, в простеньком однозвёздочном отеле. Дома здесь небольшие – одно-двухэтажные, но ухоженные и оригинальные по архитектуре. Улочки зелёные. Засажены в основном пирамидальными тополями, соснами и... белоствольными бе-

рёзками. Есть даже дубы с миниатюрными, размером с рублёвую монетку, листочками.

До шестидесятых годов прошлого столетия большинство горожан жило в вагончиках и домиках на колёсах. Капитальных домов было крайне мало. Но после того, как правительство начало вкладывать огромные средства в развитие туристической индустрии и поток туристов из года в год стал нарастать, у людей появились средства для строительства полноценного жилья.

В потоке автомобилей часто видим наши «Нивы». Аргентинцев привлекает их великолепная проходимость. Ещё бросилось в глаза обилие битых машин – так и ездят годами: кто с помятой, уже поржавевшей «мордой», кто с продавленным боком или развороченным задом. Дорог немного, но состояние основных автомагистралей безукоризненное: гладкий, без единой ямки асфальт, по бокам современные АЗС.

На улицах много собак. Все крупные, добродушные. Добродушные до такой степени, что даже для проформы не лают, не говоря уж о том, чтобы зарычать или оскалиться. Люди тоже приветливые, несуетливые. Продавцы в магазинах внимательны, но ненавязчивы. В национальных костюмах – ни души. Про Аргентину можно сказать, что это наиболее европеизированная страна в Южной Америке.

В городе сушь и тридцатиградусная жара, а над Андами клубятся мощные облака, валит снег. Горы всю влагу, приносимую с Тихого океана, «оставляют» себе. Природа устроила здесь впечатляющую по контрасту картину: раскалённая, выжженная пустыня соседствует с мощнейшими ледниками!

Утром поехали в предгорья на ферму в гости к местному гаучо (пастух испански). Воздух над Патагонией прозрачней слезы младенца: в этих краях обычной для Северного полушария серой дымки не бывает. Небесный свод, что в зените, что вдоль горизонта одного, сине-голубого, цвета. Вероятно, это связано с отсутствием в Южном полушарии промышленных предприятий. Территория Южноамериканского континента между 46 и 51 градусами южной широты признана ЮНЕСКО самым экологически чистым районом на Земле.

Дорога изрядно пощекотала нервы: крутые, ухабистые подъёмы, траверсы с жутким боковым наклоном, резкие, почти отвесные спуски. Повсюду валялись отполированные древними ледниками каменные глыбы. Сухая земля покрыта короткой рыжеватого цвета травой, растущей чахлыми пучками. В голове невольно вертится вопрос: как же тут домашние животные выживают? И не просто выживают, а ещё дают превосходнейшее по качеству мясо.

У груды потрескавшихся камней заметили выводок лисят. Остановились пофотографировать. Не боясь – подпускают метра на два. Если подходишь ближе, сразу прячутся в расщелины.

Пока добирались до намеченной цели, пересекли несколько других ранчо. Каждое огорожено столбиками, сквозь которые протянуто несколько рядов гладкой проволоки. Въезд на территорию через единственные ворота.

На склонах холмов пасутся в основном табуны лошадей. Возле дома гаучо, к которому мы ехали, остовы старых повозок с громадными, до двух метров в диаметре, колёсами: в былые времена дороги отсутствовали, и чем больше диаметр колеса, тем легче было преодолевать это бездорожье.

Гаучо Даминго – крупный бородатый парень в широкополой шляпе из толстой кожи и платком на шее, встретил нас у ворот. С гордостью показав свой табун лошадей и стадо коров, провёл к хижине, расположенной у подножья полуразрушенных скал из-под которых бил родничок. Здесь под навесом стоял деревянный стол и скамейки. Тут мы, наконец, в полной мере оценили вкус запечённой на углях патагонской говядины. На вид вроде обыкновенный пласт мяса, а во рту тает что-то божественное – кажется, ел бы и ел с утра до вечера. Видимо, сказывается чистота окружающей среды, благоприятный климат и особый состав растущих здесь трав.

Запивали эту вкуснятину местным красным вином. Оно тоже понравилось. Прежде я не понимал, как можно ощутить вкус солнца в вине, а тут пил и чувствовал, что пью напиток, насыщенный теплом солнечных лучей. Так, странствуя по свету, начинаешь ощущать неведомый прежде вкус жизни...

Помимо выращивания лошадей и коров, Доминго занимается по заказу правительства ещё и отловом гуанако для расселения в местах, где их выбили браконьеры. Для этого он использует экзотическое метательное устройство – болас. Оно представляет собой прочный и узкий, сплетённый из тонких

полосок сыромятной кожи, ремень, на двух концах которого закреплены два шарообразных камня. К середине этого ремня прикреплена плетёнка покоро-че, с таким же грузом. Во время охоты болас раскручивают и метают вслед убегающей добыче. В полёте ремень разворачивается во вращающуюся, туго натянутую струну и, обматывая ноги добычи, стреноживает животное. Таким же способом обездвигивают и страусов нанду при отлове их для зоопарков и зооферм. Некоторые гаучо используют болас и для поимки лошадей.

На одном из холмов, входящем во владения Доминго, уже много десяти-летий наблюдается необъяснимое явление – громадные, размером с дом, “ползающие камни”. Спустившись за пару лет в ложбину, они за такой же срок заползают обратно на самую макушку холма. Чудеса!

Перед спуском в Эль-Калафате остановились у группы камней светло-се-рого цвета. Они были густо покрыты коричневыми мелкозернистыми “шляпа-ми” разных размеров. Некоторые из них ещё совсем крохотные, а иные уже выросли до габаритов обычной широкополой шляпы. И “шляп” этих здесь уже десятка три, а “зародышей” в разной степени вызревания – того больше. Вот вам ещё одна загадка природы!

На обратном пути встретили стайку гуанако. Немного отбежав, они при-нялись щипать пожухлую траву, то и дело с любопытством поглядывая на нас. Ножи точёные, как у скаковой лошади, длинная шея напоминает жирафью. Большие, широко открытые глаза придают их милым мордочкам удивлённое, почти детское выражение. Мы остановились и сделали несколько снимков. Спустившись к озеру Лаго-Архентино, проехали к ранчо, на котором разводят овец. Пасты их хозяевам помогают неказистые собачки: они не дают подопеч-ным далеко разбредаться и по команде гонят отару туда, куда приказал гау-чо. Самого крупного барана пёсики вдруг отсеки и загнали под навес, где его поджидал стригаль в белой рубашке с цветистым платком на шее. Он по-казал нам, как в этих местах стригут овец.

У нас в Башкирии, да, наверное, и по всей России, как это происходит? Берут барана, связывают задние и передние ноги. Потом валят его на землю. Один человек держит бьющееся в ужасе животное, а второй стрижёт ножни-цами. Бедный баран вырывается, истошно блеет. В итоге, к концу этой экзе-куции все трясутся от нервного и физического напряжения.

На просторах же Патагонии эта процедура протекает мирно и спокойно. Пастух берёт барана за передние ноги и подтягивает его к себе так, чтобы спина животного оказалась прижатой к нему. После этого делает резкий ры-вок вверх – р-раз! От такой встряски баран почему-то отключается – засыпа-ет. Пока он “спит”, мастер быстро состригает всю шерсть автоматическими “ножницами”. Через несколько минут баран начинает шевелиться, вертеть го-ловой. В конце концов вскакивает и, голенький, бежит к своим овечкам. Фан-тастика!

Почему бы нашим крестьянам не перенять столь простой и эффективный способ? Вес состриженной шерсти удивил – шесть килограммов! Причём во-лоски столь плотно прилегают друг к другу, что пласт шерсти выглядит так, словно перед нами снятая целиком шкура.

Пока наблюдали за работой гаучо, появились и стали плавно кружить над нами три кондора. Растопыренные веером и слегка загнутые вверх маховые перья придавали им сходство с чёрным блестящим планером. Отара сразу за-волновалась, сбилась в плотную кучу. Эх, до чего глупые создания! До сих пор не возьмут в толк, что кондоры для них не опасны – они ж питаются толь-ко падалью.

Сегодня едем в царство белого безмолвия – к мощным ледникам Эль-Ка-лафате. По дороге обогнали летящую над озером стаю розовых фламинго. Их было так много, что в какой-то момент возникла иллюзия, будто мимо нас проплывает подсвеченное восходящим солнцем облако.

На заросших жёсткой травой и колючими кустами холмах спокойно разгу-ливают викуны. В связи с полным запретом охоты, они совершенно утрати-ли страх перед людьми.

Когда идущая по берегу бирюзового озера дорога упёрлась в залив, мы пересели на катер и двинулись между плавающих айсбергов к одному из са-мых крупных на планете глетчеров – леднику Перито-Морено (его толщина местами достигает 700 метров).

Он “стекает” с Анд широкими лентами по трём соединяющимся у озера ущельям со скоростью два метра в сутки. Край ледника обрывается в воду от-

весной шестидесятиметровой стеной. От неё время от времени с грохотом отваливаются подпираемые сзади многотонные глыбы. Некоторые такие крупные, что снопы брызг взлетают на десятки метров, а от места падения долго расходятся кругами высокие волны.

Верхний слой ледника тает неравномерно: с южной стороны интенсивно, а с северной медленно. Поэтому его поверхность превратилась в как бы заставленную многометровыми остроконечными конусами-иглами, которые аргентинцы называют “кающимися монахами”. Они наклонены в сторону полуденного светила, и это действительно придаёт им сходство с коленопреклонённой паствой, облачённой в белые капюшоны.

Один из языков глетчера, “пропахав” озеро в самом узком месте, по-бычьему упёрся в скалы. Оттуда то и дело доносилось потрескивание раскалывающихся монолитов. Треск вдруг резко усилился, и “язык” под напором чудовищной массы у нас на глазах стал дыбиться медвежьим горбом. Ледовый таран густо покрылся трещинами и начал с грохотом рассыпаться на угловатые осколки. Как ни странно, все они были разных цветов. Одни совершенно белые, искристые; другие – голубые, как бы светящиеся изнутри; третьи – зеленоватые; четвёртые – прозрачные, как горный хрусталь; пятые – словно спресованные из крупных, молочного цвета гранул.

Высадившись на боковой “отрог” Перито-Морено, обули “кошки”, взяли ледорубы и до вечера азартно лазили, перепрыгивая через трещины, по ледяным гребням и отвесным скатам. Спускались в “каньоны” с отполированными до зеркального блеска стенками. Текущая по их дну вода была такой чистоты, какой может быть вода, полученная изо льда, которому 100 000 лет. Плавные извитые “берегов” украшали гроты нежно-бирюзового цвета. Всё это выглядит красиво, но щели во льду не прощают легкомысленного пренебрежения техникой безопасности. Как рассказал гид, за период с 1968 по 1988 годы здесь погибло 32 человека!

От глетчера веяло холодом, как от морозильной камеры, и к вечеру мы основательно продрогли. Зато Эль-Калафате встретил нас таким теплом, что мы сняли не только куртки, но и рубашки.

Проехав на следующий день 200 километров вдоль хребта с юга на север, оказались в самом колоритном уголке Анд – горном массиве Фиц-Рой, представляющем собой безумное столпотворение иглоподобных пиков высотой три и более тысяч метров. Картина до того впечатляющая, что от восторга и восхищения перехватывало дыхание! Дождей здесь, похоже, выпадает с избытком: почва переувлажнена, нижний пояс гор покрыт лесом, состоящим из мощных обомшелых деревьев. Базой для походов на Фиц-Рой выбрали городок Эль-Чальтен. В отличие от Эль-Калафате, куда приезжают люди среднего и старшего возраста, тут одна молодёжь, по преимуществу альпинисты.

В первый день для разминки поднялись по карабкающейся по лесистым склонам извилистой тропе к их лагерю, расположенному на берегу большого живописного озера. Когда тропа проходила мимо дикорастущих вишен, оставались и подкреплялись кисло-сладкими плодами. В лагере готовилось к восхождению несколько групп: у палаток лежали мотки верёвок, ледорубы, альпенштоки; на ближних скалах молодёжь отрабатывала технику скалолазания, на поляне горел костёр.

Признаюсь, когда я вижу человека, взбирающегося по отвесной каменной стене, у меня от ужаса и восхищения сердце сжимается. Какую крепкую нервную систему и до автоматизма отработанную технику надо иметь, чтобы подниматься по вбиваемым тобою же крючьям, зная, что под ногами бездна и малейшая ошибка может превратить тебя в грудку костей! Снимаю шляпу перед отвагой и профессионализмом этих ребят!

После ночёвки отправились по сужающейся долине к ледниковому озеру Торро. Крупноствольный, спелый лес чередовался с мелколесьем, изобилующим зайцами. Мы то и дело видели мелькавшие среди зелени их серые шубки. Шарик заячьего помёта покрывали землю столь густо, что местами по ним можно было кататься, как на роликовых коньках.

Верхняя часть долины в трёх местах перегорожена дугообразными, довольно высокими, в несколько десятков метров, мореными валами. На камнях с галькой кусты успели вырасти только на нижнем, более старом, валу. А верхний пока совершенно голый. Он-то и стал причиной рождения довольно большого озера Торро. Если эта “плотина” не выдержит напора скопившейся от таяния ледников воды, то по долине прокатится всесокрушающий сель.

Глетчеры продолжают отступать, роняя в озеро мини-айсберги. Особенно активное таяние льда начинается во второй половине дня. В эти часы стекающие с ледников ручьи превращаются в бурные мутно-серые потоки. Странно, но всего в двухстах километрах отсюда напротив городка Эль-Калафате ледники, наоборот, наступают. Сплошные контрасты! А вот горы и там, и тут растут и поныне: каньоны становятся всё глубже, пики всё выше и круче.

Вечером над скалами прямо на наших глазах в течение двух-трёх секунд стали рождаться облака, а те, что были — так же быстро исчезать. Было ощущение, будто смотришь фильм, в котором кадры мелькают намного быстрее, чем в жизни.

После днёвки отправились через пологий, заросший высокоствольным лесом отрог к господствующему над всеми вершинами красавцу Фиц-Рою. Этот каменный перст, окружённый толпой игольчатых пиков пониже, напоминал одновременно и средневековую крепость с островерхой башней в центре, и оскаленную пасть разъярённого ягуара.

О восхождении на этот “клык” мы и не помышляли (он настолько крутой, что даже снег не держится), но по более низким соседним вершинам ползали. Между ними в глубоком, похожем на колодец, цирке обнаружили бирюзовое озеро. В него с заснеженных склонов с шумом стекали десятки белопенных струй, сливающихся внизу в жемчужные бороды. Поверх них то и дело пролетали обломки скал, куски льда. Грохот от их падения многократным эхом метался в каменном котле, словно испуганная птица в клетке. Отсюда было видно, как пилообразные зубцы Анд пропарывают наползающие со стороны Чили брюхатые тучи, принуждая их сбрасывать огромные массы снега. Под лучами солнца он тает и грязно-молочными потоками скатывается на просторы Южной Патагонии, где, разливаясь по впадинам и ложбинам, образует цепь озёр, вода из которых устремляется к Атлантике.

На одном из куполов пересеклись с группой альпинистов из Японии. У них к каждому рюкзаку приторочен сетчатый мешочек с мусором. Они вытряхнут его в крытые контейнеры, установленные возле троп, когда спустятся в долину. Мы же свой мусор закапываем в землю. Наш подход всё же менее экологичный.

Могу привести ещё более удивительный пример уважительного отношения к природе. Догоняем группу австрийцев. Один из парней, докурив и погасив окурок, убрал его... в карман! Вот это культура! Не встретишь здесь и глупых надписей “Здесь был Паша”.

29. Огненная Земля

Перелетев через извилистый, местами довольно узкий Магелланов пролив, похожий из-за сильного течения на полноводную реку, оказываемся над Огненной Землёй. Она покрыта невысокими беловерхими отрогами, разделёнными зелёными долинами и голубыми чашами озёр.

Самый южный город на планете Ушуайя (Ушуая) встретил нас, несмотря на лето, как и полагается на крайнем севере, ой, простите — на крайнем юге, снегом и лёгким морозцем. Сказывается студёное дыхание Антарктиды: она рядом — сразу за проливом Дрейка.

К полудню потеплело, и снег плавно перешёл в дождь. Перепады температур в Аргентине из-за вытянутости страны, как и в России, довольно большие. Когда на севере плюс 40, на юге может быть минус 10!

Ушуайя оказался весьма приличным и по архитектуре, и по численности поселения (68 тысяч человек). До открытия Панамского канала он, благодаря активному судоходству, процветал, а после — несколько десятилетий хирел. К 1947 году в городке проживало всего 3000 человек. Его возрождение связано с активизацией научных исследований Антарктиды и развитием антарктического туризма. Бурному росту в немалой степени способствовало и то, что в 1972 году город объявили свободной экономической зоной.

Он мало похож на южноамериканские города. Скорее — это городок из северной Норвегии: такие же фьорды и разноцветные одно-двухэтажные домики, окружённые пирамидальными горами, на которые взбегают крутые улицы. Цепи заснеженных гор с зелёной полоской леса вдоль подножья напомнили мне северо-восточную Якутию. Скупая, суровая земля!

Гуляя по центру, изобилующему отелями, ресторанчиками и сувенирными магазинами, мы радовались тому, что живём в России, — наши женщины,

по сравнению с местными, все без исключения красавицы! То, что россиянки красивы, я отмечал и раньше, когда проезжали США, Канаду, но таких, прошу прощения, страшных дам, как здесь, ещё не встречал.

Поскольку желающих ехать сюда в начале XX века было мало, правительство Аргентины, по примеру Англии, отправлявшей осуждённых на каторжные работы в Австралию, использовало архипелаг для ссылки преступников. Для этого в Ушуае была построена огромная тюрьма. Чтобы отапливать её и примыкающий к ней городок, заключённые круглый год вели лесозаготовки. Для вывоза древесины с делянок построили узкоколейку. С Большой земли по морю доставили чёрные паровозики со сверкающими латунными ручками (два из них по сей день стоят во дворе тюрьмы) и грузовые платформы.

Сегодня этот казённый дом – популярнейший туристический объект, называемый “Самая южная тюрьма в мире”. (В этом городе всё самое южное: и парикмахерская, и банк, и ресторан, и школа, и т. д.)

Зайдя в сие мрачное заведение, мы как-то сразу притихли и долго молча бродили по бесконечным коридорам, заглядывая в камеры. Теперь только мощные, неприступные стены, ржавые решётки, вылитые из бронзы надзиратели, восковые муляжи арестантов, сидящих на нарах в полосатых робах, и их эпистолярные “творения” на стенах напоминали о временах, когда здесь отбывали срок самые отъявленные головорезы.

Я впервые оказался в тюрьме (дай Бог – и в последний) и всё время, пока ребята обедали в соседней таверне, просидел в “одиночке” – хотелось хоть немного побыть в шкуре заключённого, чтобы попытаться прочувствовать, что испытывают они, когда отбывают срок. Ощущения, честно признаюсь, малоприятные. Холодно, сумрачно, в крохотное окно под самым потолком даже неба не видно. Когда знаешь, что отрезан от всего земного, сразу начинаешь ценить свободу.

Знакомство с природой Огненной Земли начали с восхождения на одну из вершин ближнего хребта. Для этого пришлось несколько километров прошагать под мелким дождём по шпалам допотопной узкоколейки (ширина колеи всего 60 сантиметров), а затем взбираться по травянистому склону и камням на водораздельный гребень. По нему проходила хорошо набитая тропа, выведшая нас на господствующий пик. Вдоволь насладившись открывшимися далями – океан на юге и замысловатый набор отрогов и скалистых пиков на севере, – долго спускаемся сквозь буреломный лес к реке.

Сопроводивший нас проводник рассказал, что в этих местах под землёй растут питательные грибы того же семейства, что и европейские трюфели, – похожи на тёмно-коричневые сморщенные яблоки. Местные называют их индейским хлебом. Мы же видели только ярко-оранжевые гроздья древесных грибов, живописно свисавших с толстых веток.

Выйдя на берег полноводной реки, сели в поджидавшие нас каяки и сплавились, щекоча нервы на порогах, до бухты Лопатина (и тут русский след!). Посреди неё проходила хорошо различимая граница между пресной речной и солёной морской водой.

У пролива Бигль наш маршрут завершился: плыть дальше было опасно – вода в проливе с напором перетекает из Атлантического океана в Тихий и течением может унести в открытое море. Кстати, пролив Бигль – это единственный не подверженный штормам проход, связывающий два океана, но из-за обилия мелей и крутых извивов он мало пригоден для судоходства. Следующий за ним широченный и глубокий пролив Дрейка являет собой самое негостеприимное место на Земле. Поскольку между Огненной Землёй и Антарктидой для ветров нет никаких преград, вдоль этого пролива постоянно гуляют свирепые шторма, отгнавшие на дно не одну сотню кораблей. Не случайно в старину, в эпоху парусных судов, был обычай: лишь моряки, обогнувшие мыс Горн, получали право носить золотую серьгу в мочке левого уха.

До появления европейцев архипелаги населяли три индейских племени: морские кочевники яганы, алакалуфы и сухопутные – самые многочисленные в прошлом огнеземельцы – селькнамы. Последние жили только во внутренних районах. Прибрежные индейцы отличались малым ростом, слабо развитыми ногами: постоянно плавая вдоль островов архипелага, они почти не покидали свои каноз. Занимались яганы и алакалуфы промыслом рыбы, тюленей, морских львов, собирательством моллюсков и съедобных водорослей. В относительно тёплое время года ходили практически нагими, тела ярко раскрашивали, носили длинные волосы.

Их организм был великолепно приспособлен к выживанию в условиях пронизывающего ветра, дождя и постоянного холода. Благодаря наличию жировой прослойки, они могли спать даже на камнях. С приходом морозов морские кочевники жгли костры у своих жилищ (благо, дров с избытком), а когда плавали – прямо в каноэ на площадке из глины.

Проходя по проливу октябрьскими ночами 1519 года, капитан Фернандо Магеллан увидел такое множество костров, что дал острову весьма странное для одного из самых влажных на Земле мест название – “Огненная Земля”. Когда парусники экспедиции прошли пролив и вышли в океан, стоял редкий для этого края штиль. На водной глади не было ни морщинки. Это так поразило Магеллана, что он назвал этот океан Тихим. Как ошибся!

Заново “открыл” индейцев Огненной Земли в 1832 году Чарльз Дарвин, высадившийся на остров во время кругосветного путешествия на корабле “Бигль”. Бывалый ученый был потрясён первобытным образом жизни аборигенов. “Вид огнеземельцев, сидящих на диком заброшенном берегу, произвёл на меня неизгладимое впечатление. Перед глазами предстал образ: вот так же когда-то давно сидели наши предки. Эти люди были совершенно наги, тела разукрашены, спутанные волосы свисали ниже плеч, рты раскрыты от удивления...” – писал он в своём дневнике.

В конце XIX века численность прибрежных индейцев стала заметно сокращаться от занесённых европейскими переселенцами эпидемий оспы, кори, туберкулёза. Этому способствовало и сознательное истребление аборигенов в начале XX века, когда на Огненной Земле нашли золото и на острова архипелага стали прибывать тысячи искателей лёгкой наживы из Европы.

Селькнамы, в отличие от прибрежных индейцев, были более рослыми и пропорционально сложенными. Питались они мясом гуанак, которых добывали луком со стрелами, имеющими каменные или костяные наконечники. Поскольку селькнамы вели кочевой образ жизни, жилища у них были временными и представляли собой шалаши из шестов, покрытых шкурами. В холодное время года они носили меховые накидки и тёплые шапки конической формы. Их семьи, как писали первые колонисты, отличались сплочённостью и взаимовыручкой. Женщины – скромностью, а матери – привязанностью и нежностью к своим детям.

Языкам огнеземельцев присуще редкое смысловое богатство, содержащееся в одном слове. Так, например, слово “укомана” означало “метать копё в стаю рыб, не целясь ни в одну из них”. Самоназвание прибрежных яганов – “ямана”, что означало “жить, дышать, быть счастливым”.

Промышлявшие охотой селькнамы считали появившихся в лесах тучных овец своей законной добычей и охотились на “белых гуанак” голыми руками. Возможно, они стали охотиться на них ещё из-за того, что овцы, поедая траву, подрывали кормовую базу гуанак – излюбленного объекта охоты индейцев.

Европейские колонисты, чтобы защитить поголовье своих отар, стали отстреливать индейцев наравне с пумами, которые тоже переключились с гуанак на более лёгкую добычу – овец. В результате пумы поднялись в горы, а чистокровных аборигенов на сегодняшний день можно увидеть только на фотографиях в музее. Последний индеец племени селькнам умер в 1974 году, последний яган – в 1999...

Рассказывая про Аргентину, нельзя не упомянуть про любимый напиток аргентинцев – матэ (мате). Здесь как минимум каждый второй носит с собой термос с горячей водой, мешочек с чаем матэ, калебасу из небольшой высушенной тыковки-горлянки, в которой его заваривают, и красиво инкрустированную металлическую, слегка изогнутую трубочку – бомбиле с мундштуком и ситечком на конце. Через неё пьют, вернее, посасывают круто заваренный, горьковатый, с лёгким привкусом сладкого, тонизирующий настой.

Сам чай готовится из измельчённых листьев и стебельков кустарника парагвайского падуба. Аргентинцы уверяют, что он улучшает настроение, снимает нервное возбуждение, повышает иммунитет, умственную и физическую активность, одновременно ослабляя чувство тревоги. При этом воздействует мягко. Для людей с избыточным весом немаловажно то, что этот чай притупляет чувство голода.

В течение дня аргентинец по несколько раз засыпает в тыковку молотый матэ и заливает в неё тоненькой струйкой горячую, с температурой около 80 градусов, воду так, чтобы она как можно меньше смачивала верхний слой чая. К матэпitiю приступают через минуты три.

Когда встречаются друзья, калебасу с бомбиле пускают по кругу, как трубку мира у североамериканских индейцев. Считается, что поделиться матэ с собеседником — значит выразить к нему свою симпатию и доверие.

Гурманы со стажем советуют чай в калебасу засыпать на две трети объёма (я попробовал, мне кажется достаточно и четверти). Первый раз этот горько-сладкий напиток мало кому нравится, но со временем к нему развивается стойкая тяга. Это как с пивом: глотнув впервые, обычно говорят “тьфу! какая гадость!”, но проходит некоторое время, и у многих появляется желание повторно пригубить эту отраву.

Каждую порцию матэ, как и зелёного чая, можно заваривать несколько раз. Кстати, должен предупредить, будете в Аргентине, говорите — матэ. Делать ударение на втором слоге — матэ — в Южной Америке не только недопустимо, но и опасно, ибо может быть спутано со словом мате́, означающим “я убил”.

30. Край земли!

Завершив пешие вылазки, утром, несмотря на сильное волнение, отправились на катере к скалистым островам, на одном из которых находится мыс Горн — край земли! Они встретили нас оглушительным гвалтом. Тысячи птиц сновали за рыбой в море и обратно, без умолку галдя и шурша крыльями. Целый день бедные так курсируют, чтобы прокормить своих прожорливых, быстро растущих птенцов, сидящих в гнёздах среди камней. На террасах смешно топтались подле своих малышей десятки тысяч черно-белых бакланов, издали очень похожих на пингинов. Над ними закладывали немислимые выражи острокрылые буревестники, альбатросы, мельтешили парами стремительные утки.

Огромное лежбище морских львов на столообразном острове с отвесными берегами встретило нас раскатистым рёвом (оооурррр... ооуурррр) и нестерпимой вонью. Могучие, как гранитные утёсы, хозяева гаремов полулежали, высоко подняв непропорционально маленькие головы, и бдитительно обзоревали подступы к своим “дамам”. Если кто-то из самцов пытался приблизиться к ним, гневно мычали и смотрели с такой испепеляющей злобой, что самонадеянный наглец тут же отступал. Львицы же, распластавшись на угловатых глыбах в самых немислимых позах, в большинстве спали. Издали они походили на эластичные, светло-коричневые мешки, точно повторяющие изгибы камней.

Мы с восхищением наблюдали за тем, с какой ловкостью карабкаются по почти отвесной стене к своему лежбищу вынырнувшие из воды самки. Выстраиваясь перед “лестницей” в очередь, они, быстро-быстро работая лапами, каким-то образом умудряются взлетать наверх, а, оказавшись среди подруг, умиротворённо разлечься рядышком.

Следующий остров был оккупирован облачёнными в длиннополые фракы пингинами. Прибрежная полоса временами буквально вскипала от прыгающих в воду и выпрыгивающих столбиками из воды этих коротконогих птиц. Вода здесь прозрачная, и, когда пингвин “пролетал”, слегка помахивая крыльями, рядом с катером, казалось, что это летит остроконечная пуля.

По земле же эти милые и потешные крепыши ходят неуклюже, вразвалку. Наблюдать за ними было забавно, поскольку их поведение очень напоминало наше. Те, кто утолили голод, собирались в кружок на “митинг”. Деловито обмениваясь новостями, они одобрительно похлопывали друг друга крыльями-плавниками, целовались, галдели, улыбались. Пообщавшись, разбрелись по двое-трое и опять “митинговали” уже у “крылечка” перед своими земляными норами, в которых живут годами. Наконец раскланивались и исчезали в них для отдыха. Набравшись сил, выходили и вновь шлёпали на “рыбалку”.

Детёныши размером уже с родителей, только облачены не в чёрно-белые костюмы, а в бежево-серые шубки. Кричат тоже будь здоров, пронзительно, как вороны, разве что протяжней и помягче. Людей пингины не боятся, напротив, если приближаешься, сердятся: запрокидывают голову, выпячивают грудь и, широко раскрыв клюв, издают несоответствующий их добродушной внешности злобный визг-свист.

Ветер тем временем усиливался. В нём всё явственней ощущалось холодное дыхание Антарктиды. Доплыв до маяка, установленного на крохотном скалистом островке, повернули обратно. Отсюда оставалось несколько часов до изъеденного ветрами и пропитанного солью мыса Горн. Там, на высоком базальтовом пятачке, тоже стоит маяк, рядом небольшая, длиной не более

пяти метров, деревянная часовня и прилепившийся к ней дом зрителя.

Мыс Горн одно из знаковых, овеянное многими легендами, место на Земле: кроме того, что это самая южная точка шести континентов (Антарктида седьмой), здесь встречаются волны двух океанов и заканчивается обитаемая земля. Отсюда на север тянутся десятки тысяч пройденных нами километров горных цепей Анд и Кордильер, упирающихся в начало нашего маршрута – мыс Принца Уэльского.

Все путешественники и моряки сходятся во мнении, что мыс Горн – самое дикое, самое непредсказуемое и беспокойное место на планете: здесь почти круглый год туманы, дожди, а ветер достигает скорости 70 метров в секунду. До 1914 года, когда Атлантический и Тихий океан соединил Панамский канал, маяк на мысе Горн играл важную роль для безопасности мореплавания. Сейчас, в связи с низкой интенсивностью судоходства через пролив Дрейка, он утратил прежнее значение.

Перед вылетом на Родину мы решили после холодной Огненной Земли погреться на пляжах популярного аргентинского курорта Мар-дель-Плата. Но он нас разочаровал: оказывается, вовсе это не курорт в нашем понимании, а большой город с отелями и песчаным пляжем, вытянувшимся стометровой полосой на многие десятки километров. Второе, к сожалению, ещё более неприятное разочарование – вода здесь была такая же мутная, как в Буэнос-Айресе.

На пляже валялись десятки тысяч людей, но... никто не плавал. Стояли по колено или по пояс в воде и поджидали пенистый вал. Когда он накатывал, одни с визгом выбегали на песок, другие ныряли под волну. Её гребень у берега закручивался и, “заглотив” воздух, становился ослепительно белым. Пенные буруны торопливо окатывали песок и возвращались в океан, перетирая остатки гальки.

Наблюдая за этим безостановочным, длящимся сотни миллионов лет процессом, невольно испытываешь сожаление от того, какая колоссальная мощь расходуется не на созидание, а на разрушение. Когда же учёные изобретут экономичный и простой преобразователь этой неистощимой энергии в электричество? Ведь тогда отпала бы угроза энергетического кризиса!

От автора:

Всё имеет своё начало и конец. Вот и это путешествие от Аляски до Огненной земли завершилось. За спиной 37 тысяч километров, одаривших меня впечатлениями и информацией настолько щедро, что эти месяцы воспринимается как целая вечность!

Путь от Берингова пролива до пролива Дрейка дал мне ценнейший опыт, изменил и обогатил внутренний мир и вывел моё мироощущение на новый уровень. Сравнил природу Северной и Южной Америки с российской, могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что в России она не менее красива и разнообразна. А наша Восточная Сибирь – это вообще неизведанная планета, которую только предстоит открыть человечеству.

Так же я понял, что все люди одной крови, что все хотят мира и взаимопонимания, что для успеха путешествия главное – проявлять уважение к традициям и культуре посещаемых стран. Тогда даже неблагоприятные в криминальном плане страны пройдёшь без осложнений.

На этом, дорогие друзья, завершаю. Благодаря замечательному журналу “Наш современник” вы тоже смогли совершить свою “кругосветку”. Надеюсь, не разочарованы.

До новых встреч! Жду от моих дорогих читателей отзывов на электронный адрес: ziganshin_kamil@mail.ru

От редакции:

Как нам стало известно, наш преданный друг, замечательный путешественник и учёный Камилль Фарухшинович Зиганшин, оправившись от болезни, вызванной тяготами путешествия через Огненный пояс Америки, уже совершил вместе с друзьями из Русского географического общества восхождение на гору Арарат (5137 метров), с вмёрзшим в ледник ковчегом библейского Ноя, и на гору Олимп (2917 метров) – резиденцию древнегреческих богов. Ждём новых записок нашего неувядающего путешественника!